

**Павел
Прагин**

Б Л Ю З

Павел Прагин 29.12.03.

Павел Прагин

*Ты со мной
Колеса качу
с убожеством*

*и
одна в*

*себя
иду в шло*

*на свете кажин.
каму миру сур*

*и в, что слышны,
вотс краешек ил
дома мый и сур
убу...*

Все Карин Вн.

*Вот и вост,
таборку*

БЯНОЗ

*Вот и усталос,
таборку*

Фонд им. Св. блгв. кн. Олега Брянского

Издательство «Кириллица»

Брянск – 2003

ББ К 84 Р6

П 68

ISBN 5 – 901376 – 32 – 3

© Павел Прагин
© Издательство Кириллица (Брянск)

Поэт в России – больше, чем поэт
Е. Евтушенко

Я вдаль гляжу с трагическим
восторгом.

Мне за туманом видится одно –
мелькнет сто лет, и правнуки исторгнут
с похмелья в помойное ведро

все сто томов Горлана и Поэта...
Предполагаю – он успел понять:
«А стоило ль вообще «в борьбе за это»
на горло своей песни наступать?»

И без того в земле побольше крови,
чем нефти.
Ну, а мы в застольях сплошь
уже с тоской поём о Пугачёве.
И вечный Стенька втайне точит нож.

Храни, Господь, от нового мессии –
певца грядущих строек и побед...
Нигде... нигде – особенно в России –
я не хочу быть больше чем поэт!

14.09.02.

РОЖДЕСТВО

Экран – пылающая печь...
Столений пламенная речь
размеренно лицу навстречь
вплывает в дом.
А в нас хронически болит
прачеловеческий инстинкт –
смотреть в огонь.

И память, как ожог, остра –
ты смотришь будто из костра
и видишь ангела, и страх
в глазах подпасков,
и изумленье пастухов
грядущих через тьму веков
на зов Звезды от Рождества
к Вселенской Пасхе...

Так святки входят со двора
на серый фон календаря.
И под седьмое января
в духмяной хате
вдруг проявился из листка
День Всесоюзный Пастуха
(а симпатических чернил
у века хватит)...

Не знаю – в яви ли, во сне –
явились гости... Что сие?

Кто отряхает гулко снег
с мороза в сенцах?
И вот проходят чутко в зал...
А там в углу, где образа,
склонилась Мать над люлькою

Богомладенца.

И - два сияния вокруг лиц...
и вол... и ослик... Гости ниц
склонились... Дальше - без границ,
согласно Слову.
Вот так случается у нас
в году всего единый раз
сверчувственная связь
всего живого.

12.01.79.

* * *

"Волсви же со звездю
путешествуют"
Кондак Рождества

Идешь ли, и чудится – вроде,
что шаг – то дорожка короче
от тверди к небесному своду
в исходе Рождественской ночи.

Две тысячи лет за плечами,
как крылья, ветрами полощет
у этих, что так величаво
грядут через снежную площадь.

И как бы в морозном тумане,
на свет проявились оттуда
в нездешней чреде каравана
неясные тени верблюдов.

И виделось зрением сердца,
как к лицам нисходит сиянье
пред встречей с Предвечным

Младенцем...

И звезды идут за волхвами.

2000.

Холодно

Город уныло бредёт
и, как подачку Всевышнего,
стылую полночь несёт
чёрной буханкой под мышкою.
Ввысь поднимается - тут
в небе утыканном ватою,
звёзды по кругу идут -
все от мороза лохматые.
Воздух хрустально звенит...
На перекрёстка сутулятся
тусклый, дрожащий ночник.
И вертикальною улицей,
силясь позёмку догнать,
тащатся две полуночницы
(так как им хочется спать -
то ничего уж не хочется).
Юный, как век на дворе,
вслед увязавшись за ними же,
водит зигзагами рэп
рыцарь печального имиджа.
Как он выписывал па!
Но к огорченью великому
девы исчезли, как пар,
даже не скрипнув калиткою.
...Плюнув, ушёл человек...
Но в продолженье мистерии

стали героями —

снег,

камень, изве́стка и дерево.

Лишь одинокий дотла

к редким окошкам — чинарикам

в жажде людского тепла

тянется ангел с фонариком.

2001

* * *

Звонкий воздух и белая взвесь

колких искр в морозном дыму —

как отрадно бывается здесь,

как печально, что лишь

— одному.

Ни души... Только как превозмочь

этот зов, коль утрата остра!

Нет, не могут жена или дочь

так окликнуть: как брата

— сестра.

Отзовёшься - ни звука в ответ...

Не разлепят ресниц дерева.

Кто бы скрипнул калиткой? —

Так нет...

Замерзают шаги и слова.

Но вот взмыл, яркой грудкой горя,

над сугробами маленький птах.

И от искры одной снегиря

Заметался огонь в небесах.

По дорожке багрец пробежал
до крыльца.
И уже потому,
чтобы в дом не проникнул пожар –
встречный свет зажигают в дому.

Тут морозная роспись окна
шевельнулась
и вот на виду
к веткам тянет свои письма,
заполняя пространство в саду.

...Мысли вслед уходящего дня
по снежинкам скользят в вышину...
Ты сейчас далеко от меня.
Но я слышу твою тишину.

7.12.02

Одна

По лестничным пролетам гулким, где
пропитан воздух пылью и котами,
в одно и то же время каждый день
она являлась. И заветным самым
ключом с давно истертою бородкой
постылую отщелкнет створку двери
и по ковру усталою походкой
одиннадцать шагов к трюмо отмеривает.
А коль смежит печальные глаза –
в стекло стучится дальняя звезда.
Прислушаться ей стоит, и уже –
ушедшего шага на этаже...

Когда Он приходил во время оно,
здесь роскоши не виделось ни зги:
паркета, гобеленов, телефона
И – главное – ни денег, ни тоски.

Всего желалось. Нынче ничего
не радует, а только б, как в начале
(не в молодости даже), – что б Его
на спинке стула брюки ночевали...

В сердцах толкнувши пустоту стекла,
та женщина вдруг с отраженьем спилась
и так легко сквозь зеркало прошла,
что в молодости нищей очутилась.
И сразу – надоевший этот зов,
как будто стеклорезом по тарелке:
«Ну, что там, зайка, кофе наш готов? –
неси своему котеночку в постельку!»

В предместьи хозяйствует норд – ост
и так бросает под ноги поземку,
что, кажется, – безумный эскалатор
навстречу гонит серые ступеньки.
Я вверх бегу, но – ни на шаг вперед.
А с боку –

блеск подфарников и номер
(довольно редкий) – 222
ушел вперед, обдав лицо морозом.
Но – это блажь. А у меня в тулупе
хранился грамм домашнего тепла.
Да! Не дал Бог в попутчики Эйнштейна,
что б на себя примерил аксиому
противоречья скорости с тщетой...

И тут норд – ост с зюйд – вестом ткнулись
лбами,
и воздух потерял свою упругость.
А я, не успевая разогнуться,
пустился юзом с насыпи в сугроб.
Все мысли растерял. И что же вижу? –
вон таксофон и двери магазина...
Туда я шел за пачкой сигарет.

Путешествие в духе

Я вышел из себя без боли, без испуга,
на бывший остов свой я посмотрел через
плечо – а там лежит поломанная кукла
вразброску по тахте... Какой тут интерес,
когда я – вольный дух... Мне этот образ
ближе –
не оставлять следов, быть вездесущим. Но
природной простоте и мнению о ближних
при этом мудрено не вляпаться в дерьмо.
Сквозь стену я проник, как зренье через
линзу,
срезая все углы и дуги, – напрямик.
К мозаике стихов дают мне смальту жизни
и очередь к врачу, и встречный грузовик.
Я к другу поспешил, прохожих пронизая.
И так с изнанки зрю их разность глубоко,
что мой бесплотный дух то в знобь, то в жар
бросает –
как мне бы в тело бил целебный душ Шарко.
И вижу, друг бредет вдоль парковой ограды,
в пакете – хлеб, кефир. И далее гляжу –
за пазухой несет он свежий номер
«Правды»...
Ну, уморил! – зачем электрофен ежу?
Что б это раскусить, я к другу в мозг
вселился
и там расшифровал такую дрожь и жуть –
мол, если жизнь – бардак, все может
измениться.
Пускай за мной придут – подшивку покажу!

Я выпал из него, больной, как тряпка выжат
(так дух живой сосать - не всякому уметь).
А я пополз домой без всяких шансов выжить,
на собственном одре и в теле умереть.

Но вдруг - такой толчок добра и силы, даже
я смог чуть-чуть привстать, никем не зрим. И тут
увидел: сквозь меня проводят первоклашек,
наверное, в кино или в музей ведут.

Там дочь в кругу подруг без усталости стрекочет,
вприпрыжку сапожком взбивая рыхлый снег:
- Мой папа лишь на вид такой вот, странный
очень,
а он ведь лучше всех, он - добрый человек.

И в радостных слезах домой не шел, летел я
с опаской опоздать, весь, вытянувшись в луч,
и в хладную уже нырнул хранину тела
в тот самый миг, когда в прихожей щелкнул
ключ.

Не спутаешь шагов Любви и расплаты.
Сейчас нагрянет смерть. Вам не
встретаться чтоб,
родная, не входи. Остановись! Куда ты!
Но теплая ладонь уже легла на лоб.

Я слышал крик жены, как будто через вату,
крепясь с лица согнать безжизненный оскал...
И вздрогнул. И вздохнул, промолвив виновато:
- Ну, что ты, все о'кей!... Я просто задремал.

1996

Ода Воскресению

Выпячиваясь, зимний день
в ледяной тянется воде,
вздох все тает ради
исхода волчьих свадеб.

Ну, а пока что выюжный стон
гнет мачты Троицких крестов.
Ты кораблем из наших мест
куда плывешь, Трубчевск?

Какие сутки будешь течь
восточку снежному навстречу
одним сплошным СЕГОДНЯ?
- До Сретенья Господня...

Весна, ты где. Ау!... Но вот
сосулькой ранен пешеход,
и если парень не помрет -
запомнит этот год,

за то, что мимоходом смерть
враз научила вверх смотреть
повыше крыш премного
ж в небе видеть Бога...

Под купол звонкой вышны
жизнь тянет нас от недр земных.
И с каждым часом все звончей
гремит концерт грачей.

Притихнет все само собой
в преддверьи пятницы Страстной -
невидимо на суд
в час сей Христа ведут.

И вслед из храмовых ворот
вдоль улиц двинется народ,
неся на жертвенник ночи
свой огонек свечи.

Но продвижению впотьмах
зеркально вторит звездный шлях.
Гляди, и в вечность уведет
свечной круговорот.

Чрез Божьих несколько минут
вослед к Престолу потекут:
цвет, аромат и мысль, и звук
в одном потоке –
вся пестрость крашенных яиц,
раскаяние сердца из
и запах мытых половиц
из форточек и окон.

Но распадется злобы мгла,
когда вздохнут колокола,
благую весть неся окрест:
– Христос воскрес!

...И от рассвета в пол часа
вдруг обновятся Небеса,
излив такие краски
на все просторы Пасхи,

да так, что их густой настой
заполнит стены мастерской,
и прямо из окошка
художник В. Колошко

так нежно, будто лапкой кот,
их кистью в воздухе берет, –
подарок от цветов и звезд,
переноса на холст.

Заря дала ему кармин,
а васильки – ультрамарин,
а пчелы-стойких лаков,
а киноварь – от маков.

Я со стаканом здесь сижу,
молчу и не соображу:
– Денисыч, объясни мне, что
вокруг произошло?

Он, на подрамник опершись,
мне улыбнётся: – это жизнь!
Однако, если честно –
ты в Царствии Небесном...

* * *

Сырой январь пошел крушить приметы,
пропаривая и бросая в дрожь.
Село укрылось мокрою газетой –
сигни в зенит – и, может, что прочтешь:

о вороне, который воровато
живет в пустых сенях; и как завяз
последний трактор; и под чьєю хатой
лежит неразорвавшийся фугас.

Но это все куда важней помацать...
А ты из своей гордой вышины
к оставленному тянешься, а пальцы
всегда при этом деле нескромны –

обшаривают сад, подвал и крышу,
как бы решая, что пустить под нож...
Потрогай иву – может, что услышишь!
Пади на землю – может, что поймешь!

23.01.02

* * *

Сколько не виделись,
ну и ну!..
И вдруг – наважденье ли?
о глаз? –
так неожиданно
почему
припомнилась ты сейчас?
Когда забор подпираю собой,
когда, извиняюсь,
пьян,
и лошадь обзор мне застит спиной
продавленной,
как диван –
обозреваю изнанкой очей
время, что утекло –
все волшебство безумных ночей...
вдыхаю свое тепло.
Движению мыслей силюсь подстать
оставить опору.
Заметь –
это сложнее, чем мертвому встать,
а раненому умереть.
Но и сейчас до слезы упоен
терпким осадком любви.

...Где ж носовик? –
но в кармане – Вийон
в переводе Корнеева.
И –
значит – еще, видать, не слабо
и в этот придурошный век
все ж оставаться самим собой,
ежели:
АЗ – ЧЕЛОВЕК!
Вот и иные пределы манят...
А пересекся бы путь –
радость моя,
ты б узнала меня?
...Что же. Не обессудь...

1.01.03

Бесконечный апрель.

Я будто бы спал.
И во сне беспробудном все грезилось,
что также я сплю.
А в обрывках вторичного сна
все – клики и скрежет,
и вздохи сухие,
железные,
и в кашле зениток не кончается эта весна.
Апрель без конца...
Даже суток не пробило,
а гвозди снарядов, впиваясь в распятую
плоть,
на нас прибивали бездомную тучу
Чернобыля.
За чьи же грехи нам все это?!
Но хоть
избавь от себя нашу местность, коли тебе
может, о, туча!..
Она ж изгибалась, боролась. Но все ж
последняя ласточка,
как маникюрные ножницы,
паутиночку чикнула,
на которой держался дождь.

И, как результат – цветут на листочке
в клеточку
кровинки из кнопки курносой...
И тут объясняют тебе:
на Первое Мая гулял ты на воздухе,
деточка...

– А кто виноват?

– Да – никто...

А и Б, что сидели у вас на трубе...

Бытуем, родные мои, в безвременьи,
жуем привозные нитраты.
Не знаю, как вы,
но когда возгласят на миру
при полном соборе фамилии всех
виноватых,

то, может, тогда я проснусь.
И от удивленья
умру.

1987

КАПЕЛЬ

Встала весна
так непривычно
на пограничьи
яви и сна.

В зеркало луж
с отзвуком гулким
плачут сосульки.
О, не нарушь,
радость моя,
благоуханный
миг состоянья
небытия –

запах воды,
пряность известки
в радужных блестках
зыбких, как дым.

Но, дорожа
тем вдохновеньем,
каплю в паденья
я удержал

властью, какой?..
Там отражаясь,
я улыбаюсь
сам пред собой...

Я отмечал
небо, в котором —
купол собора
из-за плеча

видится, да
сыростью млеет
сзади аллея,
что — в никуда...

Ну, чудеса! —
встречно вот так ли
вижу из капли
я себя сам?

Сжавшийся весь,
жду, холодея,
знака: ну где я —
там или здесь?...

Так неужель
эту вот тайну
в ритме регтайма
прячет капель?

Что тут сказать,
если ответно,
как перед смертью,
хочется спать.

2000, апрель.

Сказка реки

Пыльце — пора... И Десна ледоходом
линяет...

Что ж там под кожей реки? —
реальность какая? —

облаком низким по своду плывет
зеркальная льдина,

тенью блестящей лизнула уста спящей
ундины,

то есть русалки... За тысячи лет
элементарно

все их по днищу привык отличать
ладьи от драккаров.

Если ж схлестнутся бывало суда эти —
девам как милость, —

им все равно, кто жених — викинг иль витязь.
Но пароходов не любят... Не юный и

храбрый,
а лишь дурак или пьяный

порою с них падает за борт...
Даже с раскладом таким девы смирились бы

вроде,
да пароходы давно, как назло,

по Десне уж не ходят.

Скоро проснётся русалка, с улыбкой
отверзет зеницы,

синие, жадные,
только вначале ей должен присниться

суженый. А уж ему непременно
летом дано утонуть даже там, где и

воробью по колено.
Дремлет ундина, и в омуте звуки все глуше

и глуше.

жирная сома спина служит ей мягкой
подушкой.

А меж рекою и небом в районе Егорова рога
воздух с водой, рочоча, соединили дороги.
И в середине ты сам –

как зеркальное эхо –
в страхе забыл направления низа и верха –
правды и вымысла... Что же – стерлись!

А пока
серой шугою на Днепр плывут облака.

* * *

Душа поэта – дерзкое дитя.
И если руки не отбили сразу –
стерлись – уже с бумагою проказы
по многим ударяют не шутя.

Одним желанны, а другим претят
миры, невидимые глазу.
А ей – то что? – бирюльки. И хотя
в пустой карман, заглядывая, разум

предупреждает: «Ну, остановись! –
свобода и бездомность нераздельны!» –
выходит, как всегда, наоборот.

Душа по свойству света рвется ввысь.
Но тут ей оформляют перевод
из детского приюта в богадельню.

17 сентября 2001

РОНДЕЛЬ

Душа моя, зачем тебе все это –
легко клевать на сладостный обман...
Не просто так в толпе суют монеты –
зашей на всякий случай свой карман.

Слыть вольной птахой – вовсе не изъян:
нет славы – и завидующих нету...
(душа моя, зачем тебе все это!)

Смотри, я сам подчас ни сыт, ни пьян –
без выгоды учись любить поэта,
иначе обоюдный наш роман
рассыпется. И вскоре безответно,
но с радостью пойдешь ли по рукам?..

Душа моя, зачем тебе все это?

26.11.02.

ХУДОЖЕСТВО

Владиславу Пасину

После – прекраснейший недуг.
Жизнь приступа. И вот он подступает –
смесь любопытства с радостью. Вокруг

Беззвездный космос – пустота такая,
как бы внутри молекулы чернил,
где дух невоплощенных слов витает.

Но ты из них на ощупь смастерил
словами надежный посох. И при этом
слышишь бесплотной почву ощутил –

и может быть, долину тени смертной? –
без разницы... С дыханьем наравне
сейчас уже должны по всем приметам

через сознание ринутся извне
чредой неизреченные глаголы.
Задача – их просеять в голове.

Но только в чьей? – ты более чем голый,
вне тела, то есть, и предельно чист,
прозрачен, словно в форме эха голос

НОВЫЕ ОКТАВЫ

Чем глубже обращаешься в себя –
тем выше и бесценней удивленье...
Я – будто с неба спущенный отвес,
где весь обзор – в обратной перспективе.
И все еще своим умом досужим
цепляюсь обессиленно за жизнь
/так лист опавший липнет к телу лужи.

Осенний лист!...

Передо мной – сияющий проем.
Лечу на свет. Он – все острее и уже.
И почва изгибается дугой,
как лунный серп, заглывая небо.
И кажется – сполна и без остатка
раскрою тайны мира вот сейчас
я – отраженьем падший на сетчатку
в Надмирный Глаз.

Так с торбой бед своих и не своих,
растягивая жизни паутинку,
сейчас ворвусь я проливнем огня
вот в эту арку, сжатую до точки,
уверенный: когда на око Божье
наш теплый свет падет из внешней мглы –
верблюду – нет, а человеку можно
протиснуться через ушко иглы.

9.11.02.

Встреча

Искренней с обратным знаком звука,
только неподвижна, на изгиб
твоем вблизи атласная гадюка
от негнущейся обувью ноги.
И ценность бытия вскрывалась слишком
слишком в том безвременье, пока
подсвывает воздух у лодыжки
раздвоенный локатор язычка.
Мы не мгновенно встретились глазами –
два зрачка сошлись наперерез.
И поняла я, что ей, гадюке, знамо,
чего не мог предвидеть Ахиллес.
Заметнется плеткой вдруг. И уползая
не отпрянет даже. Вслед за ней
капли потекут (куда? – не знаю)
любимой тьма и... горсточка друзей.
Позорилось что у ней в макушке плоской –
какие формы мудрости и зла?..
Но, распрямив волнистый знак вопроса,
змея, не укусивши, уползла...
И если прокрутить бы всё обратно –
не сколько шансов выиграла б жизнь,
когда опять нечаянно б сошлись
два разума – друг другу непонятных.

2000, май

Аргентинское танго

Наталье Соболевой

Маслины глаз под лоб закатывая томно,
креол щечочет белый бок аккордеона.
В алькове плачет позабытая Мадонна –
плывет елей по кипарисовым щекам.
Мадонне смыслы все открыты – это верно –
и, как душа аккордеона, безразмерна
Ее уверенность, что это танго скверно
закончится в таверне. А пока

в объятьях Педро пол метет подолом юбки
дочь губернатора. Со смуглою улыбкой
она смущается на: «О, моя голубка!
я вас люблю, а вам, видать, меня не

жаль...»

Но подле стойки исподлобья, неприметно
француз заезжий наблюдал за парой этой –
пожар в груди, а в голове гуляет ветер
пронзительно – холодный, как мистраль.

На днях француз сдружился с гаучо
бродячим.

А тот и рад, так как текилою накачан
на дармовщину. И уж нынче не иначе
ему пробил ответной преданности срок...
Бродяга пальцы запускает под рубаху...

И, словно молния, испанская наваха
в стаканах с блеском отразилась и с
размаха
распарывает Педро левый бок.

Ах ну, señores, снизойдите же на

милость –

и сердце жутко не хотел – так получилось.
Слов не убрать, что на бумаге уместились.
Помысливания не повернуть назад!..
Помысли кроной придорожная папайя.
В ее тени рыдает дева. Попугай
ей сверху вторят... Да чернила размывает
и вот сафари-ментальная слеза.

29.12.01

Плач о Пятнашке

До приезда «скорой» не дожил бы, может.
И от боли прощался уже с этим светом,
когда слизывала, на груди моей лежа,
ты со щек эти капли испарины смертной.
И была суета у моей постели,
пока фельдшера заспанного не дождались.
И когда отнимали тебя от моего тела –
ты кричала, царапалась и кусалась...
Язычком закативши хворь за черту века –
тем спасла... Но теперь – таки разумом

вещи

понимаю: в свой час родись человеком,
ты была бы прекраснейшей из всех

женщин

о, моя златоокая кошка...

Ты любила нюхать цветы. Не в свое дело
не совалась, обожала доброе слово –
молча с тобой мы беседу вести умели,
где каждый ответ растворен любовью.
Дней, проводимых у ног моих, не замечала
(жертвенность – самосожженье – это как

данность)

И вот теперь слезы мне служат очками,
обостряющими состраданье...

Ты умирала, а я рядом с тобою не был.
Лишь на порог – что же никто не

встречает?..

Звал тебя. Но... ты пробежала на небо,
белыми лапками перебирая,
о, моя златоокая кошка...

5.08.01

СТАНСЫ I

Полдень взирает бесстрастно
на бы со стороны
влюбленного пространства,
выступая из страны.
В нем даже рамка резная –
тоже скользя в дом:
сварб и недавний хозяин
разделены стеклом.

2

Нет, не присядет на койку
старенькое пальто.
И прескорея с мухобойкой
уже не свяжет ничто.
Лишь на клеенке, живая,
мира (откуда Бог весть?)
лапками перебирает,
что не успели съесть.

3

«Как же могло это случиться?» –
трет домовой глаза.
«Слементарно, Ватсон!» –
звякнет извне стрекоза,
ведь над отчизною нашей,
не заносились дабы,
сильными крыльями машет
Сирин в виде судьбы.

4

Ну, а вокруг от начатка
вписаны кровию на
небо до самой Камчатки –
все имена... имена.
Если ж порою по списку
коготь черту проведет –
русская жизнь по – английски,
не прощаясь, уйдет.

10.02.02

СТАНСЫ II

Душа поставит в угол костыли.
Ей дух плечо подставит, мол: «Смелей!»
И ступит плоть в тот долгожданный лифт,
где даты служат створками дверей.

2

А рядом – всё плотнее пустота,
когда пахнет прохладой извне –
родители обосновались там,
не уступивши очереди мне.

3

Вослед им устремились на обгон:
унеченский провинциальный сквер...
прощания, заснеженный перрон...
портфель стихов, потерянный в Москве.

4

И – чтобы не сорваться в никуда –
пока еще удерживают дсм
сочащиеся влагой провода
под мокрый свист резины о гудрон.

38

5

Борюсь с дремотой из последних сил,
полысплываю, голову обняв:
чем меньше рядом тех, кого любил –
тем больше тех, кто любит не меня.

6

Потому в застольи или под
забором, или в собственном доме –
без разницы – неотвратим уход.
А сон – лишь репетиция к нему.

7

Пока на стол не лег фатальный счёт,
отронку мне дарует чистый лист:
«Ты жив пока – чего ж тебе еще?..
Зажуй свечу и на ночь помолись...»

7.03.02

39

* * *

К отдыху краткому
на полустанке готовясь,
ход замедляет украдкой
унеченский поезд.
Будто боится спугнуть
чутких духов рассвета,
как всегда, без билета
в окна готовых впорхнуть
из щели космической,
где,
тьму облаков головою раздвинув,
строго и тихо
огненный шар в наступающий день
почти на —
половину
всплыл из гречихи.
С тамбура прыгнешь на гравий —
и диска громада
произрастает преградой
на грани
между тобой и разладом.
Свежесть такая, легкость такая,
как после бани.
Тянешься ты, о себе забывая,
к солнцу губами.
Тело без веса...
не чаёт болезней, печали
(и это — не странно).
Сердце не органом в нем ощущается,

в талисманом.

Поезд вздохнул, отряхнулся —
врог так, к сожалению,
все обрывается

на полувздохе мгновенья.

...Онова вагон. И над ухом азартно
гитара бряцает,
шлепают картами,
одно хрустят огурцами.
Что-то девчушка к плечу моему
прикорнула на малость.
Снялось ей все, пережитое мной,
потому
так легко ей дышалось...
В солнечном ветре сгорают
эпохи, постылое.
День занимается!
Ах!
Быт не кончается, милый мой —
жизнь начинается!

1979. Сентябрь.

БАЛЛАДА – 76

А. С. Брону

Я выжимаю дух из старой «Явы»,
давлю на газ. А на ухо гугняво:
– Жми, комсомолец, прямо к той звезде!
Он дышит сзади.
Он бубнит, внушая,
что эта трасса самая большая,
а эта жизнь прекрасней, чем везде.
Я пролетаю улицы коридоры,
но две ладони по бокам, как шоры –
чтобы не видеть, кто во что одет,
какой плакат в витрине опустевшей,
куда идет, от водки обалдевши,
товарищ, не читающий газет.
Я над мотором был почти не властен,
когда нежданно на проезжей части
ребенок заметался меж машин.
Так беззащитна в этом мире хрупком,
девчушка в страхе прижимала к грудке
оранжевый, как солнце, апельсин.
А сзади этот,
голосом мерзотным:
– Давай быстрее! Цель – на горизонте!
Но я его послушался впервой
и мотоцикл бросил по газону...
Удар, еще...
и сквозь стекло, со звоном
витрину протаранил головой.

И вот лежу смурной, полуубитый,
какими-то гирляндами увитый.
Все горизонты мне до фонаря...
Под половой раздавленная клетка.
Рыбешки скачут. Мечутся за сеткой,
донная пух, чихи и кенаря.
А я навзрыд:
– Скажите Бога ради,
где эта сволочь, что сидела сзади?
Но вижу: расступается народ,
топ, в орденах

округлый и вальяжный,
расписывая люд, ступает важно
и за собой милицию ведет.
Потом

вопрос привычный до припадка
мне задает суровый страж порядка,
достав блокнот:
– Откуда? Кто такой?..
Весь в синяках, я поднимаюсь тяжело,
выплывывая зубы и стекляшки:
– Пищи, сержант, –
Год Семьдесят Шестой.

Трубчевская ночь

Финал апреля холодит виски.
И, будто рафинад в остывшем чае,
ночной ансамбль улиц городских
лениво размывается, качая

багровый серп. Без этого б ни зги –
лишь абрисы под звездной паутиной,
пылящей на дома, листву, мозги.
...У пыли явный привкус героина,

когда всю черемуха цветет
и тянет лапы сквозь решётку парка.
Оттуда город взяли в оборот
среди веток затаившиеся Парки,

через дорогу, протянувши нить
гурьбе, навстречу шествующей с пенем.
И кто-нибудь здесь к утру, может быть,
пойдет туда, куда мы все успеем.

И где удастся вряд ли отдохнуть –
об этом – и явления природы.
Ведь наша жизнь – отнюдь – не крестный
путь,
а хроника крестового похода.

...Но, чу! Поверх оставшихся руин,
хранящих память: «Храм Преображенья»,
сочится свет – почти неуловим.
И тут уж ни причем воображенье,

когда сквозь щель дверную предстают
сияющие Царские ворота,
Престол открыт. И певчие поют.
И Дух Святой нисходит... Оттого-то

завороженно я молчу в ночи
с такою силой, как в сей мир вступая,
новорожденный в первый раз кричит,
свою снаружи мать не узнавая.

1995 – 2003

ШАНС

В чайные странного счастья
звонкую форточку настужь
вытолкнешь утру навстречу
и выпускаешь сон.

Если восполниться нечем –
в тело похмельное хлынет
божеской благостыней
мартовский пряный рассол.

Тут же с упругостью шторма
тело окутает шторой,
как продолженьем небес.
И подхвативши за горло,
втянет в заоблачный город
дальней Отчизны, в которой
жил до рожденья ты...
Здесь

В узком квартале – ущелье
сердце нещадно защемят
на верхотуре, где просвет
режут со свистом стрижи.
Ведь из окошка напротив
руки к тебе простирает,
в общем уж немолодая,
эта любовница - жизнь.

Ради тебя она даже
бросила вечную пряжу,
что-то кричит – не расслышать –
бес завывает в трубе.
Звон колокольни все выше...
Стоит гадать: не иначе
жизнь в бессилии плачет
(значит, рвнует к судьбе)...

Только не к месту, дебилно,
заверещит будильник –
видел его б в гробу.
Что же – растеряны годы
ради разменной свободы?
Жизнь проиграна?..
Вот бы – бросить на кон судьбу!

9.03.03.

* * *

Лиса и остальные – дело в прошлом –
слиняли и не рыпнутся, пока
качок квадратный Покатигорошек
везде сопровождает Колобка.

Сорока варит кашу там в духане
из маковой соломки – а цена? –
на паперти солдатик оловянный...
с одной ногой? – на то и есть война!

Жар-птица унесла свое перо...
Вот так на ваших сказках мы выросли,
Детгиз, Ханс-Кристиан и Шарль Перро!

Да, братцы Гримм, кругом сплошной
обман –
гляди-ка, уж и Гретхен на панели...
– Was hat man dir, du armes Kind getan!*

* Бедное дитя, что с тобой сделали (нем.)

Ностальгия

В городе том в конце позапрошлого века
в подлиннике еще читали римлян и греков.
Нынче ж, исполнен в умат алкоголем и
скукой,
юный интеллигент с высоты виадук,
к чести сказать, всего лишь плюет на
проходящий
скорый, товарный ли, пульман.
Он в настоящем
здесь на литфаке высоких материй не
проходил,
значит, и слышит в ответ: «Крокодил –
крокодил – крокодил!» –
что еще могут колеса, когда на лету
поезд при блеске вокзала вонзается в
темноту.
...Луч из дверей пропустив, как кошку,
на площадь
перед вокзалом
выходит приезжий наощупь...
сплюнул окуроч... слегка обожженной губой
вдруг улыбнулся –
ему: «Дорогой - дорогой - дорогой!» –
выдал состав – и дал – в иные края...
(Жалко, конечно, что этот приезжий – не я)...
...От эпицентра звук, вертясь, поплыл над
домами,
тьму – хоть вешай топор – заливаает
волнами.
Скоро зацепит краем бывший горком
комсомола,
отданный детям давно

под музыкальную школу.
В ней всякий раз в одиночку на сумрачной
сцене
с полночи сторож ночной Перевоицков
Женя
ставит пюпитр и с этаким русским размахом
все на гармошке гоняет инвенции Баха...
...Вот наконец перестук и досюда дошел –
мне бы пригрезилось в нем: «Хорошо –
хорошо – хорошо!»
Женя вздрогнул, бросил играть (ну и
пассаж!) –
поезд припомнил ему: «Ты – не наш – ты –
не наш – ты – не наш!»
(...в городе, где в конце позапрошлого века
в подлиннике еще читали римлян и греков).

31.08.02

АНТИУТОПИЯ

Гулко лопнет проржавевшая струна
(на конце струны болтается страна).
Вздрогнет солнце на космическом юру,
прикрывая диском черную дыру.

Так и вижу, как в каком – то там году
я вернусь сюда неузнанным.
Войду
через арку триумфальную
тому,
кто когда – то с кем – то выиграл войну.

Там в просвете серых кубов чуть левей,
где недавно красовался мавзолей,
вырастает грандиозный Пантеон
всех последних,
кто был женщиной рожден.

И вот там – то, выбрав точку посеред,
заберусь на пятиногий табурет
и возьму аккорд.
Но отзвуком вослед
полетит в лицо пластмассовый букет
(Видно, в будущем, так надо полагать,
не настанет время камни собирать)...

И непонятый,
ненужный и ничей
просочусь из свежей груды кирпичей,
пережив уже какой по счёту шок,
и пойду туда, откуда я пришел.

На пути сквозь разряжённый звездный дым
сваркой вспыхнет шестикрылый серафим,
прогремит, оборотив лицо ко мне:
«Сохраняется ли вера на земле?!»
Я вздохну. И он заплачет...
А потом
отодвинет солнце огненным крылом.

20.02.03

* * *

В этом доме пустынным лениво живет
с ликом Будды стареющий пушкинский кот.
На коленях моих он урчит неспеша —
легче, коли с тобой есть живая душа...
Все замедленно в доме. За книгой любой
месяц тянешься к полке уставшей рукой.
До клетчатой доски дотянуться нельзя,
где толкуются фигуры не ниже ферзя;
скачут, щелкают или пускаются в крик,
если в смуте теряется общий язык...
А за дверью свобода. Вставай! Выходи!
Да не ступишь и шага, когда впереди
старомодный, разохшийся шкаф

приоткрыт,
там из пыльного чрева тебя норовит
мешковатый пиджак ухватить за лицо,
если выскользнуть хочешь хотя б на
крыльцо...

Где же Бог али Царь, иль Герой, что готов
по российской провинции этих домов
перечислить количество? Кто защитит
всех, кто даже при жизни столицей забыт?
Где же выход?.. К любви мешается страх,
оседаая во мне, будто цезий в костях.
Проклянуть эту землю? — да сколько же в
ней

доброты всех её одичавших детей!
Но за это уже кто-то был бы так рад
мне над дверью навесить доску: «Ренегат!»
И пускай, заклюют, проклянут... наплевать,
даже если плевки возвращаются вспять.

4.06.86.

* * *

Сюда он был заброшен неспроста.
Лазутчик, коль помечен тайным знаком –
Господним поцелуем на уста,
незримым, но пугающим. Однако,

для большинства он – как бы еретик.
И ведь подспудно заставляет верить,
что может быть понятен нам язык
воды, камней, животных и деревьев.

И все-таки нам это не с руки,
пока еще здоровы мы и живы.
До песен ли, когда он на колки,
натягивая собственные жилы,

гремит на лире?.. Есть еще дела –
расходимся... Смущенно прячем лица...
И вокруг такая пропасть пролегла,
Что даже высь глядеть туда боится.

Сдается – и ему не хватит сил
чудить у края бездны нараспашку.
...О, что б он с этим миром сотворил,
не будь, рожден в смирительной рубашке.

13.02.03.

Баллада принципов

Быть на слуху до пошлости легко –
торгуй среди всеобщей клоунады
политикой – вином для дураков,
то бишь настойкой из дерьма и яда.
Тем более толпа дешевке рада...
А я в том окружений каков? –
под градом славословий и плевков
все этих же людей несчастных ради
весь исхожу на жалость и любовь...
И в этом все же видится отрада.

Когда волчица под огнем стрелков
с добычей уйдет через засаду,
она не спросит у своих щенков:
зачем и почему им кушать надо?
Так автор этой горестной баллады
проносит первозданный смысл слов.
И в данном смысле он всегда готов
у сильных не выключивать награды,
пред слабым не показывать клыков.
И в этом все же видится отрада.

Да что там, ведь рискуют далеко
не многие, чтобы с поэтом рядом
дорогою непрожитых веков
пройти от Лукоморья до Эллады.
И потому с поэтом мир в разладе,

что следом хочет влезть, дабы потом
засеять все картошкой, табаком,
флаг водрузить и обнести оградой.
Хоть вход туда закрыт на сто замков...
И в этом всё же видится отрада.

И тут толпа в бессилье, чуя кровь,
вслед ломанется с воплем: «Бейте гада!»
Но в скопе вдруг найдется и таков –
нарочно промахнётся кулаком...
И в этом всё же видится отрада.

II

В гранитное подножье Эльсинора
все яростней на подступе ночи
швыряет пеной северное море.
И чайка одинокая кричит.

Спивалась челядь. Двор мельчал. И вскоре
Горацио от скуки опочил...

Но вот уже сквозь ржавые запоры
знакомый шаг по лестнице звучит –

тень Гамлета идет на бастион
наедине с такой тоскою жуткой!
Так появлялся призрак всякий раз.

И – ни души... Не то б услышал он:
– Ну, полно, принц. Оставьте ваши шутки!
Какой чудака придет глазеть на вас...

* * *

А помнишь, как любили мы кино –
там, заражаясь судьбами чужими,
мы пялились из тьмы на полотно
и, подражая виденному, жили.

Но нам всегда важней – что поновей.
Поэтому сменили в настоящем
волшебный луч на жлобское ТВ –
дабы с тахты смотреть удобней в ящик.

Меняем всё – язык, штаны, пальто,
героев, убеждения и лица.
Мы разменялись сами. Но при том
кто нас нутром заставит изменится?

Какой же уморительный сеанс
из космоса

в налёте дымки зыбкой
просматривает Тот, Кто создал нас!
...И на лице печальная улыбка...

СМЕРТЬ ПОЭТА

*Владимиру Лохмакову
с благодарностью за
подаренные четыре строки.*

В предчувствии первой строки,
железные челюсти сжав,
под спудом высокой тоски
бродил, как по кромке ножа,
по кухне поэт.

Только вот
чрез силу его естество
притягивал, как эшафот,
засиженный мухами стол.
И тут же, беря на измор,
взревел репродуктор: «Ура!
Почин трудовой!» (Там шахтер
давал уголек на гора).
Поэт закусил удила,
не выдержав этот кошмар,
как из парового котла,
спустил свой критический пар:
*«Картина упала на пол –
у мухи случился инфаркт.
С испугу взобравшись на стол,
она порвала миокард»...* –
такой вот экспромт.

И посмел

осмыслить, что сам написал.
Осмыслил... И вдруг захрипел.
Схватился за грудь и упал.
Вот так, не прозрев что почем,
единственный в СССР,
связавший судьбу со стихом
погиб современный Флобер.

6.02.03.

* * *

М. А. Завацкому

Вот и все. На подмостках тесовых
последнюю роль
с палачом отыграет дуэтом сегодня король.
На неделю толпа ублажит свою алчную
сыть
(одинаково любит и пятки лизать, и казнить).
Пожалели б себя, проживая на этой земле –
если казней в избытке, то меньше помтей на
столе...
Но-кругом глухота. И при чем тут какая-то
честь –
у толпы голова, чтобы оной не мыслить,
а есть.
И я все ж благодарен, что после подобья
суда
не пешком и не связанным был я доставлен
суда
на торговую площадь. С окраин спешат
кузнецы,
школяры и художники, виноторговцы, купцы.

Вон цветочница плачет за то, что одной
 я доверил давно тайный ключик от спальни
 только ей
 своей.

Что же рядом, под маской затрясшись,
 караул рассмешивший, мне в бывшем
 ударился в плач,
 знакомый палач?

– Брось, разбойник, реветь, где ты новый
 добыл балахон,
 на какие шиши, коль от должности мной
 отрешен?

– Ах, величество ваше, спецовку мне город
 пошил
 под аванс и расписку взамен вашей бедной души.
 Вы простите – мила работенка такая, как есть –
 не таскать же мне камни!

И деткам так хочется есть.

И я обнял чурбак, замечая, пока еще жив,
 как вокруг эшафота в салюте взвились палашаи.
 Барабаны ударили разом, как град на жнивье...
 И взметнулось над площадью новое зренье мое.

.....

Там внизу в первый миг увидел я совсем не с
 между шахматных фишек – рядом от лекарств
 руки –
 скрепки, спички и пробки, обрезки цветастой
 пузырярки,
 все подобие мира состряпано из ерунды.
 ...В доме полночь. И – никого. Лишь под лампой
 слюды –
 я сижу за столом, разминая в руках пластилин.
 один

* * *

Былые потрясения,
 считая наизусть,
 с субботы в воскресенье
 на саночках несусь.
 Не под гору, а вверх –
 легко и без помех.

И, чтобы на развилках
 себя в руках держал,
 тьма дышит мне в затылок.
 Но держит интервал...
 (Пусть - даже камнепад.
 Я не хочу назад).

Позту – тьма искусов...
 Всё выдюжу,

оприч
 когда в соитьи с музой
 застанет паралич...
 И даже тут – верней
 не выпасть из саней.

Ведь кто б нам без условий
 с горы доверить мог
 себя под видом Слова?
 «И Слово было – Бог»...

когда с конька сарая
я с зонтиком сигал,
когда, не умирая,
три раза умирал.

Так кто ж из нас устал
под бременем креста?

Но в унисон полозья
искрят с душой моей.
И видится сквозь слёзы –
чем выше, тем светлей.

Лечу – лечу – лечу...
И ветром треплет чуб.

27.01.03

* * *

Оживает полоса
вдоль залива.
Необъятно
солнце.
Майская регата –
паруса, паруса!

Жизнь – сплошные чудеса.
Только б в звезды выбиваться,
раз у каждого в шестнадцать
за плечами паруса.

Но попробуй, взвейся тут,
если к цели помаленьку
со ступеньки на ступеньку
вас под крылья поведут!

– Крылья? –
глупость, мишура! –
заявлял директор школы, –
вам не надоело, что ли
эта –
в крылышки игра?
Чувство боли мировой
если вам восполнить нечем, –
разрешит противоречья
смотреть песни строевой...

Ты смирялся.
И пока,
хоть еще во что-то верил –
пробивалась из-под перьев
волосатая рука.

Перестал во сне летать.
И бескрылый промежуток
стал неизмеримо жуток
до мараза в сорок пять –

и декабрь в волосах...
А однажды чистом поле
ты воскликнешь, как от боли:
– Где вы, где вы, паруса!..

Только в глубь,
к исходной точке,
тело вдавливают в почву
небеса, небеса...

лето 1970

Ловцы жемчуга

Каменный груз зажимая в объятиях,
в глубь из надводной тиши
с лодок небесных ныряют солдатиком,
белые крылья сложив,
трудники Промысла...
Мрак наступающий
давит на уши.

Но тут
те, что внизу обитают пока ещё,
тьму эту светом зовут.
Вот и вольготно им там обитается...
Но не проходит и дня –
где – нибудь стая на стаю сражается,
муть поднимая со дна.
Ну, а ловцы день и ночь – неустанные –
шарят средь мутных теней
в зарослях парков и в рифах кварталов,
в гротах цехов и церквей.

Вечный процесс наведён без сумятицы:
в глубь – и наверх...

Наконец
с лодки на баржу с трудом поднимается
полная сетка сердец.
И под ножом будут в них обнаружены,
и учтены, как нигде:

белые

— помыслов чистых жемчужины,

чёрные

— сделанных дел.

...Будет итог...

И по этому поводу

в горном сиянье рука

ляжет устало на древнюю бороду,

переходящую

в облака...

20.03.03

Крым

Сквозь запотевший графин — голова

к голове

вполюбнимку, вальсируя, мы наблюдали —
взвился топчан и вприсядку пошел табурет.
Мир оживает в благом янтаре цинандали.

В пыльном квадрате окна на песчаной косе
время — и то воплотилось в материю, так как
кто бы знакомо так брел к нам, как не

Одиссей,

чтобы вконец перепутать Тавриду с Итакой.

Вырублю «ВЭФ» свой раздолбанный — так

издали

можно вернуть позабытое в игре... И вскоре
жалобы чаек проявятся, пенье скалы,
щит раскаленный с шипением тонущий в
море.

Кажется, будто, исполнив последний обет,
с первой звездой в соседней каморке

устало

Вечность устроится спать. А мы выключим

свет.

Пусть отдохнет. И отсчет начинается сначала.

1980 - 13 декабря 2001

* * *

О, сколько утекло
с тех пор ненужных встреч,
чтоб вновь обнять тепло
почти забытых плеч.
Так спутал тот пробел
причин и следствий цепь,
что мыслю о себе
я во втором лице,
к примеру: «Ты готов
к тому, что б все сбилось?..
Ты ж самых главных слов
чураешься, небось?»
Но я уста ловил,
и после стольких лет
украдкой глаз косил
на старенький буфет.
Там слоники – все в ряд
(я их тебе дарил),
хоть помню все подряд,
а сколько их – забыл...
Наверно, все же шесть.
Но, в прочем, все равно...
А за спиной уже
сквозило из трюмо.
Оттуда не у дел
в порыве забытья
из зеркала глядел
себе в затылок я.

5.08.02.

ПАРАДОКС

Останусь я уже неповторимым
под этим небольшим пейзажем зимним,
повешенным над письменным столом.
Здесь сам себе тираном и рабом,
измученный, на грани эпилога
по рифмам я мостил себе дорогу –
куда? – Узнаешь,

коль в один из дней
отважишься быть спутницей моей...

И нам за дымкой ультрафиолета
забрежит город созданный поэтом –
число всех зданий и жилых домов
количеству равно моих стихов.
Струится вечность в виде многоточий
сияньем золотым в часах песочных,
заполнившая этот новый мир
столетиями для любовных игр.

А мы, чтобы отвлечься,

в перерыве
заварим кофеёк, окно открыв, и
узреем стол, но в рамке - летний вид –
другой чудака над рифмами корпит.
По сгорбленной спине заметно сразу –
он изнывает без моих подсказок,
но понимает их наоборот.
Поэтому так зло бумагу рвет.

Ему уже осталось так немного
пройти свой путь в страдательном залогe
до нашей разделяющей межи –
за нею БЫТЬ – равно понятию ЖИТЬ...
Пусть ждет.

А мы пройдемся, как бывало,
туда, где в самой гуще карнавала
простерся в небо из орущих толп
весь в отблесках петард железный столп.

На площади внутри вот этой башни
из высоты космической и страшной
в качании вздыхает глубоко
над белой гладью маятник Фуко...
Мы с краю примостимся незаметно,
чтоб наблюдать вращение планеты,
с которую без слез и на «ура»
мы распростились только лишь вчера.

Общежитие. Летняя сессия

В ночь над городом летним
настежь окна свои –
отголоском столетий
поют соловьи.

Как они отзываются –
всё вольней и больней
узелочками памяти
меж извилин ветвей.

И оттуда, взмывая
по балконам, гипноз,
как иглой, проникает
в мой податливый мозг,
чтоб с изнанки прочистить
слух и зрение – пусть!
(я боюсь низких истин –
высоты не боюсь).

Всё возможно, настроясь
на любовь,

например, –
из окна выйти в космос,
слиться с музыкой сфер,
где в туманностях улиц,
размываясь вдали,
со звездами сомкнулись
городские огни,

где в самой середине
той Вселенной сперва
кислотою бензина
отдаёт синева...

Телефонные трубки
пусть пока помолчат.
Стрелки, жалобно хрупнув,
повернутся назад,

и сроднятся на время
города и леса...

И восстанут над всеми
звезд и птиц голоса –

что почти неизбежно...
Но от бездны маня,
руки властные нежно
обнимают меня...

До прыжка со стремнины
оставалось чуть – чуть –
только мягко Ирина
приклонилась к плечу.

Только кратенький шепот,
словно миг и судьба:
«Паша, как хорошо – то...
Жаль... что не навсегда!"

10.06.78 Брянск

Анабель – Ли

*И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Анабель – Ли.
Эдгар По.*

Дом Советов, аптека и фары машин
тасовались в метельной пыли.

На юру мы стояли, и я рассуждал
о значении Анабель – Ли.

А друзьям было холодно, весело, и
в это времечко кроме портвейна они
ничего бы принять не могли.

От досады я выкрикнул имя её
слишком больно, да так, что при том
расколосся квартал по оси временной,
образуя волшебный проем.

А оттуда вдруг жителей здешней земли
окатило нездешним теплом,
духом леса и яблок, и чем – то ещё
из пределов приморской земли,
где на фоне восхода заходят в залив
в золотых парусах корабли.

А из центра овала реальности той
легким жестом нас, глупых, зовет за собой
несравненная Анабель – Ли.

– Быть не может! – промолвили хором
друзья –

и тот мир в яркой вспышке исчез.
И тотчас же к явлению Анабель – Ли
у неверов пропал интерес.

Я показывал им на протаявший снег:

– Здесь надежда убита,

или

вам под силу ли, парни, поклясться душой,
что не видели Анабель – Ли?!

Но на это они, так же молча, увы,
покрутив у виска, запахнулись в шарфы
и сутуло дворами ушли...

Одинок ли я здесь? – Нет – ещё есть душа,
что, себя проявляя, болит.

Так вот ради неё я не стану менять
даже в голод на хлеб и рубли
дар,

которому мы не придумали слов –
эту искру надежды по вере в любовь,
воплощенную в Анабель – Ли.

В грозу

Предгрозовая тишина...
Сомкнулся небосвод.
На дно оврага ветер пал,
бескрылый и немой.
В колонне света обнялись.
Свет тянет за собой
в зияющий меж туч душник
над нашей головой.

Наверно перепутала
природа с кем-то нас:
чужие души в этот день
должны быть отняты...
– Любимая, ты вздрогнула? –
мелькнула светотень:
взглянул на Землю Лермонтов
из синей пустоты.

И мы бежим через овраг
к спасительным стогам.
Ударил гром. И ожил лес,
откликнулся вдали.

Но я споткнулся и упал –
и показалось нам –
лихой мартыновский сапог
торчит из-под земли...

Любовь, не холодно Тебе?
Укройся пиджаком.
От ужаса я спас Тебя
и этим стал сильнее...
Что нам открылось этим днем,
по свету разнесет
природы грозовой набат —
тревога за людей.

1985

СГЛАЗ

Как будто кто рулон обоев
раскатывает в пыльном небе,
так хмарь от Сретенья ложилась
всё дальше в город по прямой.
Вот ливень захватил без боя
двор гимназический, и где б он
швырял так обновленья примесь
на алебастр особняков.

На ряд торговый дробь ударов
обрушил и запрыгал через
дорогу. Так он чистит зелень
и давит пар из мостовой!
И раскалённый планетарий
подставил струям звонкий череп,
к подслеповатому музею
припал, блаженствуя, щекой.

Он слушал альти водостоков,
бас бочек и сопрано жести,
перекрываемые соло
таких невыразимых струн,
что стало ясно вдруг: насколько
тут описанья неуместны
о том, как веют маттиолы
в дождём пролившийся июнь.

Вдруг в узкой раме с чашкой чая
фотограф Рыморов размыто
возник и жестом запредельным
раздвинул занавес воды.
Как прогудел он: «Мать честная!» –
полушутя – полусердито,
по каланче глазами стрельнув
из необъятной бороды.

Враз рикошетом разрывает
над тонким шпилем дождевальню –
и, поражённый этим самым,
гром проворчал в последний раз.
И непогода отступает,
обратно свёртываясь в валик...
И у ж, гляди, – над Городцами
двойная радуга зажглась.

12.07.96

Мёртвая петля

Хлещет солнечный потоп...
Как корабль на волнах пыли,
в море рынка шапито
дразнит небо ярким шпилем.

В арку низкую течёт
от лотков, от бочки квасной,
словно в брешь, честной народ
к строгому окошку кассы,

где не слабонервных для
из печи жестяной ниши
на расхристанной афише
пышет: «Мёртвая петля!»

Потом собственным дыша,
сдавлены, как в банке кильки,
люди, вывернув затылки,
смотрят в арматурный шар.

Там вверху, как луч, остёр,
отражая телом блики,
чудотворец – каскадёр
воскрешает мотоцикл.

Ожил вдруг волшебный шар –
под глубокой чашей крыши,
с мотоциклом плотью слившись,
взмыл мифический кентавр.

Сам он будто бы завис,
а внизу с ужасной силой
будто вертят диск точила,
смазывая бледность лиц,

где, дурея ждёт народ:
«Ну, когда ж петля?» – и только:
«Дядя, дядя упадет!» –
взвился немо крик ребёнка.

Но, отважный и хмельной,
каскадёр бросает вызов
в этот раз вселенной той,
где ни верха нет, ни низа,

жмёт на газ... И над толпой
вверх рванул к петле конечной...
И – понёсся по прямой –
только звёздный снег навстречу...

Над базарной толчейёй
рёв поплыл, как окрик свыше –
бог торговли жезл под мышку
и нырнул под ларь мясной.

1980

Будь со мной!

С дождем мешался свет дневной,
блуждал по стеклам, беспокоясь.
И вдруг – признание: «Будь со мной!»...
Где мог я слышать этот голос?

Безлюдье плыло за спиной
сырым, дощатым переулком.
Откуда ж это промелькнуло,
спасительное: «Будь со мной!»

И сразу, будто ожил я,
когда при этом зове тихом,
вдруг самость гордая моя
освободилась от инстинкта

такого, как немой испуг
внутриутробных снов, тяжелых,
где плотью облекался дух,
как бы в пиджак с плеча чужого.

И при повторном: «Будь со мной!»
с глаз, словно чешуя слетела.
И легкий облик неземной
передо мною Девы в белом

возник... На цыпочки привстав,
так целомудренно, несмело
она прохладные уста
на лбу моем запечатлела.

Вдруг – свет. И – новых чувств не счесть,
желанных прежде... Как напрасно
я знать стремился суть вещей.
Сейчас мне стал их смысл ясен.

Вон, весь в бодюльках, пешеход,
больной (вернее полупьяный)
топор украденный несет
продать.
А вора звать Иваном.

И пусть топор полой прикрыт, –
вонзаясь зрением в железо,
я вижу атомов синклит
и между атомами – бездну...

Благодарю за страшный дар –
все знать и видеть до истоков!
Зачем явилась Ты сюда?
Откуда, Дева, Ты и кто Ты?

«Я из других пришла миров,
там все равны, и нет разлада.
Когда ты взялся за перо,
с тех пор хожу с тобою рядом.

Но в неподсказанном году
из дольней, призрачной отчизны
тебя с собою уведу.
Там назовешь меня ты Жизнью».

И за завесой дождевой
растаяла... Не помню
будто
я вслед метнулся: «Будь со мной!»
И в пустоте раздалось:
«Буду!»

Все будет. Но, чтоб славы шум
призыва не глушил, тем паче
не доли у судьбы прошу,
а – стихотворный миг удачи,

то есть триумфа.
И пока
подспудно зреет клич победный,
мне мнится каждая строка
такой желанной... Но – последней.

1988 – 98

Феникс

Воздух со свойством остывшего чая
песню на звездных качелях качает –
это болотные не унимаются соловьи,
то есть лягушки,
как погремушки –
всё о любви,
свойственной им.
Но не нам.

В этот бедлам
силится голос просунуть кукушка.
Видимо в шутку дурацкую ей
задал Кашей
традиционный вопрос...
Напасть какая!

Не умолкая,
яблоня шепотом из – за сарая
лезет писюгой в наивную душу
маленькой груши –
всё обо мне.

И на этой волне
сизу не стремянке, курю «Ностальгию»,
перебираю мои дорогие
мысли о прошлом...
Могло ли случиться,
чтобы не выпустил в небо синицу
очередную:

я не ревную
к книгам, вещам и другим побрякушкам –
всё это скушно.

С завистью в высях искал журавля я.
Но постепенно в уме подмечая,
как человека уродует слава,
понял – и это отравя.

И вот когда вроде б песенка спелась –
вдруг прилетает на трапезу Феникс . .
Ворону в лакомство – очи повешенных –
в этих двух яблоках равно замешан
холод с зародышем тьмы.
Ворон – изнанка зимы.

Для прометеев с замашкой на вечность
послан орёл, чтоб выклёвывать печень.
Благо творить для всего человечества
требуется в плоти
желчь – как наркотик.

Я же в своём просветлённом безумии
свежую кровью реальность рисую,
ту, куда тропки заказаны всею.
Просто от боли некуда деться –
Феникс терзает мне сердце.
Вот и сейчас, слыша в воздухе шум,
я обреченно окурю гашу.

Гость мой летит –
надо идти,
как на Голгофу, чтобы затем
к утру оставить на мятом листе
этой бессонной волшебною ночью
крови побольше, чем строчек.

17.06.02

* * *

Геннадию Соболеву

Слушая рокот дождя
через вибрацию зонтика,
чувствуется, погода
не повторится экзотика:
этаким проводником
быть между твердью и воздухом
в соревнованьи без роздыха
между собой и дождем.

Вот под каштаном стою –
платою равновеликою
дрожь я в асфальт отдаю,
сырость вбирая ботинками.
И без претензий при том,
в качестве только соавтора
вкупе с земным резонатором
действую, как камертон.

От акустических дел
по-негритянски, в три голоса
ангельский спиритчуэл
хором поют гладиолусы.
Что ж у меня глупый вид? –
от резонанса неволью
прямо вразрез си-бемолью
мелочь в кармане звенит...

Тут же со свистом авто
брызжут. И в общей сумятице
пенья не слышит никто –
живность под кронами прячется,
люди – тем более... Да,
в общем, немного мучительно
чувать свою исключительность,
слушая рокот дождя.

23.05.03.

Борису Полевому

Не просто нам даны с тобою на потребу
равнина языка и небо в виде неба,
да мозг, где в бездне тьмы космической
бескровно
от Духа зачалось саморожденье Слова,
сошедшего в гортань.

И в выдохе конечном,
сформировавшись в звук, оно – весомей
вещи.

Не будем же, дружок, доказывать упрямо –
как точно сведены – свод черепа и храма!
Иначе – меньше чем полшага до соблазна –
дорисовать в уме сюжет стрелецкой казни,
чего не сделал сам на полотне художник,
роль палача играть считая невозможным.

Однако ж, ты заметь: какая это сила
нацеливала кисть и по холсту водила,
и свечи так зажгла в руках приговорённых,
что язычки огня вдруг нерукотворённо
созвездием взошли, мрак прожигая насквозь
Большой Медведицей (Здесь ни при чём
Вернадский).

От этих огоньков на кухне не светлеет.
И скудно по углам июльский вечер тлеет
с восьми до десяти растянутой резиной.
И чайник на плите в манере муэдзина
замученно зовёт к намазу православных...
Но это к слову... Так...

Ну а теперь о главном:
лелей свой Космос и
взираай при этом в оба,

* * *

Вот уж и последний луч погас.
Майские жуки стучат в стекло.
Хоть устал изрядно, но сейчас
на сердце уютно и тепло.
Отдыхаю от садовых дел,
(целый день на грядках проторчал!)...
Молча леденцами похрустел –
что еще вот так идет под чай?
А потом раскинувшись пластом
в кресле наблюдаю, как плывет
ниоткуда огненным крестом
на меня оконный переплет,
и распался – не собрать концов –
лишь круги багровые дрожат,
вылепляясь в странное лицо –
образ невозможно удержать.
Голоса бесцветные бубнят
или просто шепотом поют...
Вроде мать окликнула меня,
если бы соскучилась в раю...
И в ответ на искус этот не
приоткрою век. И ждать готов –
может в полусонной кутерьме
что – нибудь сгодится для стихов.

2000

Воскресная прогулка

Торить устав тернистый путь,
неплохо взять, да отдохнуть
и оттянуться, ни о чём не беспокоясь:
у «Анатолия и К⁰»
взять сигарет, попить пивка.
Все это радостно вдвойне, коли, за что есть.

И жизнь путём – ни дать, ни взять!
Но слишком тянет погулять,
ведь эта Ленинская улица в Трубчевске
на общем фоне дележа
для небогатых горожан
одновременно суть Бродвей, Арбат и
Невский.

Под сенью клёнов и рябин
среди людей плывешь один
и вспоминаешь: вот таким манером мимо
по этой улице бродил
босой Андреев Даниил
и с неба считывал, прищурясь, Розу Мира.

Да вот гарантий нынче нет,
что не сойдет с ума весь свет.
Хотя надежда еще теплится при этом –
неистребим Трубчевск, пока
в бетонном кубе РДК
гудит оркестр. И зритель ходит на поэтов.

И оттого дышу легко,
и воздух пью, как молоко
с такой добавкою волшебной.
Небывало
усиленный во много крат
ко мне приходит аромат
цветущей таволги из загородных балок.

1999

* * *

Остро царапая свод,
вышибает слезу
в небе ночном самолёт,
как соринка в глазу,
соорудившем из дней
бытия колесо,
взвешивая людей
и пронизая всё.

Взгляд этот не побороть –
в бронжилет хоть влезь,
оберегая плоть,
ей придавая вес.
В лучшем же случае хоть
нищий легко одет –
знает: дана ему плоть,
чтобы не мёрз скелет.

В общем, хватает вериг,
если в наличии есть
кости – и всё, что на них,
да ещё сверху крест –
всё, что надето извне,
создано для битья...
Всё, что незримо во мне
есть важнее, чем Я.

...Книга. Лампа. Кровать.
Вид из окна на лес —
там ничего не видать...
Я пока ещё здесь.
Я пока ещё здесь
дни тяну не спеша.

.....
Где же на свете ты есть,
родственная душа?

31.05.03

II

Как муторно в душе моей...
И время, в общем — то, не лечит —
ведь не кем заменить и не чем
всё убывающих друзей.

Эпоха перемен крута
настолько, что извне привносит
ответов больше, чем вопросов:
кто будет следующим там?

И тут же лезвием ножа
быт по привычке даст отмашку
в мою последнюю рубашку
очередного обрывать

для путешествия навек,
где друг мой ступит отрешенно
и радостно в ладью Харона
как бы в спасительный Ковчег.

1.07.02

* * *

«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу»*,
спеша вперед, ведь мне дышало в спину
больное любопытство. На весу
сгущались тьма и воздух, и я стал
все скованнее к цели продираться.
Ведь чем плотней структура вещества,
тем больше в нём заключено пространства,

которое вело по курсу прямо
и, выгнувшись, вдруг подтолкнуло из
земли

меня

корнями

к краю ямы

так бережно,

что б не свалился вниз.

А подо мной по кругу из огней
в потоках циркулирующей стужи
так кувыркались образы теней,
как бы пытались вырваться наружу.
Бесплотные в проем тянулись руки:
— Молись!

Сгораем!

Страшно!

Пожалей! —

И все это сливалось в общем звуке,
*Данте. «Божественная комедия»

как будто псих играет на пиле.

Я крикнул: – Что там? – а оттуда:

– Ад!

– Католики там есть? – в ответ:

– Конечно!

– Баптисты?

Лютеране?

– Все подряд!

– А православных много ль в круге

грешных?!

– Достаточно!

– Тогда кого ж там нету? –

кричу, предсмертной дрожью обуян...

И безнадёга вдруг одновременно
навзрыд взорвалась хором:

– Христиа-а-ан!..

И что б при этом не сошел с ума,
дабы урок не вышел бесполезным,
забрестило по всей земле. И тьма
воронкой сизой потянулась в бездну.

Короткометражные ленты

Запущенный и одичалый сквер...

Со стороны обшарпанных лабазов
через дорогу шествует козёл.

На том конце коротенькой верёвки
ведёт он за собой отроковицу,
пассивную и в стоптанных кроссовках.

Игривая походка выдаёт
ряд козьих мыслей – слишком откровенно
по ходу поддаёт, стервец, рогами
своих воображаемых врагов...

И вот по этой inferнальной морде
улыбка заструилась – Мефистофель,
весь вылитый...

И – в кущи бузины
рванул. А следом шаркая, как бабка,
засеменила хилая девчонка
(над бессловесным чтобы помыкать –
не важен лик, а важен нрав козла)...

А поодаль дорожки серый дед,
усевшись на поваленной берёзе,
курил табак с отсутствующим видом –
и медленный дымок от козьей ножки
всеобщую тоскливою зеленку
приятно разбавляет синевою.

Дед мыслями далеко от козы.
А та, играя собственною тенью,
по кругу ходит,

чуть не задевает

евонной алюминиевой ноги
с резиновой нашлепкой на конце.
Сжевав очередной клочок травы,
вдруг смиренная по виду животиная
негаданно зашлась гнусавым «Ме - е - э!»
«Итти ттвою! Родимец!» – вскрикнул дед.
Страхнул с колен горящую сигарку,
Но, вспомнив медсестрицу из санбата,
он с хитрецией подмигнул козе:
«Коли б вот так работав пулямёт –
ужо не страшно было б на войне»...

20.04.02

II

Ну что же занесло меня сюда
с родных полей Беотии цветущей
к гипербореям, к этим дикарям,
которым все мое великолепелье
и юность не дороже чеснока?..
Вот кошка, – каждый раз проходит мимо,
хотя б взглянула. Впрочем, у неё
есть нечто от походки Артемиды,
когда б богиня встала на карачки
(да, видно, становлюсь еретиком,
чему виной людское невниманье)...

Хотя (о, боги!) юноша грядет,
мотаясь, будто Арес, кровью пьяный,

и с песней боевою на устах.
Вот встретились глазами...

Он не вынес

разящего удара красоты
и рухнул долу, продолжая пенье...

Эй, вы, оставьте,

это не про вас!

Куда вы его, люди, потащили –
пусть наслаждаясь, встретит смертный час!
...Не слышат. И его уже не видно,
хоть песня ещё слышится вдали...

А это что еще за образина –
коза?.. Кого она напоминает,
тем более обломан правый рог...
Не может быть! Кормилица! На Крите
младенца Зевса выходила ты.
А Кронос, этот старый алкоголик,
все рыскал, чтоб сынулей закусить.
Как только ж встал на ножки Громовержец –
низвергнул нечестивого папашу.
Ну, а тебе, родимая, в награду
отбитый рог удачно превратил
в Рог Изобилья...

Время нас не красит.

Не знаю, в общем, как на счет меня,
но как ты подурнела, Амалфея –
что даже видно в образе козы.

Под капельницей

Реанимация - хлипкая связь
плоти и мира. И вот сейчас
в голубоватый ручей возле локтя
чёрная бабочка жалом впилась.
По хоботку из стеклянной выси
гонит глюкозу в меня неспеша.
Выдюжит тело – с кого же спросить:
а как же – душа?

Если она нестерпимо болит?
И почему, как нездешний магнит,
чудное солнышко плещется в банке,
так привлекает к себе и манит?
Вертятся девять планет вокруг него –
в третьей от центра так чётко видна,
всё испытывавшая – кровь и огонь –
в будущем наша страна,

где прорывается в тихий уют
грохотом ночи цветастый салют...
Души, рубашки – там всё нараспашку.
И ничего не крадут.
Лондон за песнями едет в Москву.
Масса игрушек у сельских детей.
Там понимание выше искусств.
И всё – без затей...

Но иссякает сиянье в стекле,
вот уж планеты бегут по игле.
Следом и солнышко вытекло в вену –
с ним и душа моя стала теплой.
Дух осветляется, крепится кость.
С этим светилом и плоть веселей...
И равновесие так обрелось
в макровселенной моей.

21.10.96

что б клятвы не давать
на флагах, на ноже...
Противно убивать!
Но убивают же...»

Так в смутном свете дня
предчувствие болит.
мне кажется, что я
когда – то был убит.

1999

Схимонах Никодим

В день промозглый, безобразный,
когда морось билась с ветром,
был я шафером у друга.
Но из храма по пути
нас приветил тихий праздник
в хатке, с виду неприметной, –
где духовные недуги
лечит старец Никодим.

В темных сенцах ангел Божий
в человека облачённый
встретил, как своих знакомых,
и о цели не спросив,
да при этом – быть не может, –
нас назвал он поименно
и смиренно, и с поклоном
всех в каморку пригласил.

Слог его был прост и светел
так, что прежде я не думал,
что есть формула такая
для спасения души:
«Раздавая не жалеите,
а жалеите неразумных,
никого не осуждая,
будьте словно малыши».

И Геннадия с Натальей –
новобрачных, и Елену –
подневестницу, (меня же,
грешного, не забыв) –
с полки бережно достал он
ценный пузырёк с елеем, –
всех, с молитвою помазав,
дальше жить благословил...

Хоть снаружи изголялось
бесовство, и непогода
гулко ставнями играла,
сияясь выдавить стекло –
а вот здесь из окон райских
Никодимова киота
нас ответно наполняло
умиленное тепло.

И, казалось, будто сверху
потекла вода живая –
в кроткой инока улыбке
звёздной радугой горит.
И к неведомому свету
против волн плывут сверкая
в небо золотые рыбки
благодарственных молитв.

Там у берега цветного
из руки покормит рыбок
Богородица. И снова
косяками без конца
притекает к слову слово,
чтоб закончить путь счастливый
у подножия престола
Духа, Сына и Отца.

24.05.2000

За стволами

Степану Кузькину

Тяжко с утра натошак, но знакомо:
носом в рукав – вот и весь закусон.
То ль от навоза несёт самогоном?
То ли таков по себе самогон?

После, когда по дуге по горбатой
к ферме пустая бутылъ пронеслась,
вскинув на плечи мешки и лопаты,
трое штурмуют по пахоте грязь.

В логику здравую не уместаясь,
зла и добра за границею аж
в сторону леса они уменьшались,
не оживляя осенний пейзаж.

Им не с руки ни украсть, ни зарезать –
просто романтики вот. И ещё –
это поход за военным железом.
Только за ним. Ну а кости – не в счет...

Только сегодня поможет не очень
оберег древний, как мир: «Чур, меня!» –
если негаданно прямо из почвы
вцепится в заступ стальной пятерня...

Вряд ли со страха по пальцам ударишь.
Вряд ли забудешь в остатные дни
голос глухой: «Не в обиду, товарищ,
по – христиански похорони!»

И уж тогда, как от внутренней боли –
ратная удаль и вечный покой –
многострадальное русское поле
дрогнет холодной небритой щекой.

27.06.02

Дети

Видим, для вас мы – не самое лучшее –
не оправдаем надежды, поди...
Вот потому и сбиваемся в кучи мы,
чтоб не заставили строем ходить.
Мы по подвалам и по чердакам
шумно галдим о концах перемирия –
снизу и сверху мы ринемся к вам,
и этот город к утру оккупируем.

Но... промедленье уже налицо
от подозренья, что все перемелется:
многие скоро в обличьи отцов,
переметнувшись в середку, изменятся...
Если б сегодня на площади города
мучеников оформляли бы в рай,
как бы вцепились мы Господу в бороду:
«Дяденька, Дяденька! Не оставляй!»

1969

Философский пейзаж

То ли – это самолет,
то ли – в животе бурчит –
за ноябрьским туманом
ничего не разобрать.
Запотевшие очки
снявши видишь: это норд
ледяной крупую драит
водосточную трубу.
Ну и звук! Подстать – настрой,
одиночество, когда
милицейскую фуражку –
как надежды огонек –
проглотил подъезд... Ну вот,
ведь, на сером полотне
цвет фуражки нам милее,
чем под нею человек.
После этого подъезд
облизнулся дверью и
продолжал подслеповато
так же пялиться в пустырь,
где от ветра схоронясь,
кот больной, облезлый пёс
сбоку мусорного бака
щедро делятся теплом.
Пёс свернулся калачом,
кот в середине – чудеса!..
Сдохла логика – и значит –
мы им больше не нужны.

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Из беззвёздного провала одиноко
зырит вниз бельмом затянутое око,
под предчувствием больным войны и крови
заливает воздух отсветом багровым.
И крадётся ужас, медленный, как слёзы...
Заряжённое флюидами гипноза
всё предместье с округой неприметно
вырождается в подобие макета.

Но, скорее, тот игрок придурковатый,
одноглазый,
здесь задумал инкубатор
развести
и этим выжить человека...
И уже, треща скорлупками молекул,
вылупляется невидимая гадость,
вдоль дороги по усадьбам расползаясь.
Потому от отвращения, не иначе,
занимается сиреной вой собачий,
выковыривая душу по крупiciцам,
и в продрогшее окно моё стучится.
(Кошке зябко, кошка жмётся к батарее).
И не радуется густой настоей кофейный,
если с полок нынче веет безнадегой
от философов и классиков премногих.

И тогда душа моя ушла из дома
в черно – белый мир семейного альбома

посидеть мальцом у мамы на коленях,
если можно – попросить за всё прощенье;
в сельской хате, где мне выпало родиться,
вспомнить запах зверобоя и душицы –
там навек от лиходея и от зверя
защищает образ Троицы над дверью –

вот причина, почему единым махом
через форточку взвились ночные страхи.
А за нею, будто залитый живицей,
первый снег под чистым месяцем искрится.
Так очистилась душа моя,
окрепла.
...Но соседа утром вынули из петли.

1998

* * *

С. М.

Полой прикрыв букет, вбираю на ходу
вечерний робкий свет, последний в том году
и клюквенный закат, пустых прилавков лед
и Поля Мориа, и снежный хоровод,
что обратился вспять у зданья на углу –
по виду ОВД, а тенью – ГПУ.

И Ленинскую там за сотни две шагов
клин сквера раздвоил подобием штанов.
В двадцатых здесь стоял великолепный храм,
как гвоздь в ботинке он мешал большевикам –
взорвали, чтобы впредь с тех незабвенных пор
храм улице Вождя в промежности не тер...

Отсюда и растёт невольный наш цинизм? –
и я был чист, пока не потрепала жизнь.
Но отчего ж в толпе я так бываю рад
почувствовать спиной Светланы теплый взгляд.
И вот сейчас войдя с морозной суеты,
через вахтершу я ей передал цветы...
И вот уж на ветру открытку я ловлю,
в ней с именем моим соседствует «Люблю!».
И вижу там, вверху, в распахнутом окне
с улыбкой неземной ты тянешься ко мне,
халатик запахнув, прерывисто дыша...
О, девочка, как ты безумно хороша!

Но тут же, как удар по сердцу: неужель
нас не соединят ни клятвы, ни постель.
И значит – никогда не перейду запрет.
За тридцать мне, а ей всего шестнадцать
лет.

Светлана, от меня тебя избавить как?
Забуть?! Так это ж риск – идти с ножом на
танк.
Ведь если на тебе сошелся клином свет –
на танк с ножом? Ну что ж... а почему и нет!

1984

* * *

В минуты редкие довольства и тиши
обратной связью внутреннего зренья
в зрачки твои вопьется пресыщенье
из темных закров твоих души...
И образ чуткий, легкий, как пыльца,
касается прогрешного лица.
И ты готов до самого конца
спасать от злоязычного свинца,
прикрыть собой хотя бы имя той,
которая оставлена тобой...
Но вся твоя ненужная божьба
откинута,
как волосы со лба.
И потому, раскаявшийся,
вдруг
свой голос собственный ты уловил на слух,
хоть сам уже себя не принимаешь...
Не долу ты поникнул головой –
к коленям беззащитным
прошлой,
той...
И к имени устами припадаешь!

В метель

Тот февраль проявляется четко и ясно,
чуда потребность когда переходит в голод:
я – учащийся 3 «Б» класса
по замерзшему озеру бреду в школу.
Чем неспешней шаг,
тем скрип снега натужней –
знать дает, что я к этому миру привязан...
Погружаюсь в себя,
а все то, что снаружи,
машинально ловится краешком глаза.
Серый завод – в дымке лежит и курит
собственную трубу...
Устье Карны венчая,
слева кошкой выгнулся мост,
там, воркуя,
падает в речку вода...
И не узнавая
до оскомины знакомой картины,
вдруг задохнулся от удивления:
что же –
вроде бы здесь я, но как бы наполовину;
вроде бы умер –
и только сейчас ожил?..
Одновременно в самую эту минуту –
от белого берега отделенно
над желтым зданием пединститута
старательно крыльями машет ворона.
(Кстати, в том институте придется учиться –
он не только по виду такая казарма).
...Значит, прежде,
чем мне удалось родиться,
кто-то всё это до мелочей показал мне?..

Кто же так троешнику потакает?
(В школе и дома всегда бы так было).
Плачу – а жажда свободы такая,
будто под ранцем прорезались крылья.
Зрелись вверху иные пути и дороги
мигом одним...

а, может, в течение часа? –
время не в счет.

Но тут-то и вспомнили ноги
долг свой –
я же всё-таки к этому миру привязан.
И, словно лунатик, я прошествовал вскоре
сквозь вестибюль,

не заметив, как тихо
и непривычно сейчас в коридоре,
густо пропахшем паркетной мастикой.
Может, очнувшись,

я бы и принял, как чудо:
«Посмотрите на этого типчика, дети!»...
Но в ушах еще пела вода на запруде.
...И теперь я уже не боялся смерти.

16.06.03

II

Метели на Трубчевск обрушились всем
миром.
Сквозь бахрому снегов, согнувшись в знак
вопроса,
как на приманку, я на огонек киоска
бреду, поскольку нет других ориентиров.

Поскольку снег такой уже бывал когда-то –
когда? – Давно... Не здесь... Во времечко
иное...

Вдруг фары ореол встал световой дугою,
напомнив над Карной старинный мост
горбатый.

Я через мост бежал иной пурге навстречу,
скользил и буксовал в обнимку с
контрабасом,
досадуя на то, что галстук больше часа
пытался повязать и опоздал на вечер,
и клял себя, пока в холодном вестибюле
друзья не помогли: «Давай свою бандуру...»
И по ступеням я, как по клавиатуре
рванул «Полет шмеля» со скоростью пули...

(Эстрадника не тронь – закон)... Не влипнуть
чтобы –
дежурным все равно, что я в пальто и в
шапке.

Но с лёту угодил директору в охапку.
А у него к таким претензии особы:
«Сначала постригись, потом уж лезь на
сцену!» –
и за грудки трясет с завидною сноровкой,
и лысиной блестит под лампой –
сороковкой...
И тем у девочек мне набивает цену.

Вот отчего тогда к нам были нетерпимы
отцы – учителя, беря на замечанья –
за то, что мы в себе удачно совмещали
возвышенность Пьеро и дерзость Арлекина.

Я вырвался. И вот в пучине маскарада
чуть не по головам вдруг понесло. За мною
в футляре контрабас плыл черною ладьею
под свист и гогот на

желанный мыс эстрады...

Измятый, чуть живой я занял свое место.
Тут начался отсчет. Но вот перед началом
в свистящий микрофон победно

прокричал я:

«Сыграю! А потом хоть за ноги повесьте!»

...Я умер. Нет того, каким я был вначале, –
четырежды с тех пор сменив набор молекул.
Душа ж – без перемен, чтоб помнить

человеку:

нет счастья, увы, без примеси печали.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я вдаль гляжу с трагическим восторгом».....	3
Рождество.....	4
«Идешь ли, и чудится – вроде».....	5
Холодно.....	7
«Звонкий воздух и белая взвесь».....	9
Одна.....	11
«В предместьи хозяйствует норд – ост».....	12
Путешествие в духе.....	13
Ода Воскресению.....	15
«Сырой январь пошёл крушить приметы».....	18
«Сколько не виделись!».....	19
Бесконечный апрель.....	21
Капель.....	23
Сказка реки.....	25
«Душа поэта – дерзкое дитя».....	27
Рондель.....	28
Художество.....	29
«Под купол голубой...».....	31
Новые октавы.....	32
Встреча.....	33
Аргентинское танго.....	34
Плач о Пятнашке.....	36
Стансы I.....	37
Стансы II.....	38
«К отдыху краткому...».....	40
Баллада – 76.....	42
Трубчевская ночь.....	44
Шанс.....	46

«Лиса и остальные...».....	48
Ностальгия.....	49
Антиутопия.....	51
«В этом доме пустынном...».....	53
«Сюда он был заброшен неспроста».....	54
Баллада принципов.....	55
«В гранитное подножье Эльсинора».....	56
«А, помнишь, как любили мы кино?».....	57
Смерть поэта.....	58
«Вот и все. На подмостках...».....	59
«Былые потрясенья...».....	61
«Оживает полоса...».....	63
Ловцы жемчуга.....	65
Крым.....	67
«О, сколько утекло...».....	68
Парадокс.....	69
Общежитие. Летняя сессия.....	71
Анабель – Ли.....	73
В грозу.....	75
Сглаз.....	77
Мёртвая петля.....	79
Будь со мной!.....	81
Сумерки.....	84
Благотворительный концерт.....	85
Феникс.....	86
«Слушая рокот дождя».....	89
«Не просто нам даны с тобою на потребу».....	91
Дежа вю.....	92
«Вот уж и последний луч погас».....	94
Воскресная прогулка.....	95

«Остро царапая свод».....	97
«Как муторно в душе моей».....	98
«Земную жизнь пройдя до половины».....	99
Короткометражные ленты.....	
«Запущенный и одичалый сквер».....	101
«Ну что же занесло меня сюда».....	102
Преображение.....	105
Под капельницей.....	106
Вид с веранды.....	108
«Откуда этот страх...».....	109
Схимонах Никодим.....	111
За стволами.....	114
Дети.....	115
Философский пейзаж.....	116
Лунное затмение.....	117
«Полой прикрыв букет...».....	119
«В минуты редкие...».....	120
В метель.....	
«Тот февраль проявляется...».....	121
«Метели на Трубчевск обрушились...».....	122

Автор от всей души благодарит за выход
в свет этой книги:

Евсеева Василия Васильевича,
Ч. П. «Гастроном»;

Евсеева Михаила Архиповича,

ГУП «Межрайонные инженерные сети»;

Максакова Владимира Григорьевича,

ГУ «Управление дорожного хозяйства
Брянской области. Трубчевский
дорожный отдел»;

Родина Михаила Павловича,

АО «Хлебоприёмное предприятие».

Павел Прагин

Блюз

Стихи

Авторская редакция

Технический редактор Андрей Савельев

Художник Сергей Кузькин

© П. И. Прагин

Брянский региональный общественный
фонд имени Святого благоверного
князя Олега Брянского
издательство «Кириллица»
Лицензия ИД № 01978 от 5.06.2000

ISBN 5 – 901376 – 32 – 3

Сдано в набор 19.11.2003 г. Подписано в печать 27.11.2003 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60 × 84 1/32
Усл. печ. л. 4. Тираж 500. Заказ № 2228

Трубчевская районная типография
242220 Брянская обл., г. Трубчевск, ул. Ленина, 59.
Тел. (08352) 2 – 18 – 93

